

Бердалиева Р.Ш.,

к. ф. н. доцент Международного казахско-турецкого университета имени Х.А. Ясауи,
г. Туркестан, Казахстан, e-mail: familyasha@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕНИЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА

В статье рассматриваются компоненты невербальной модели общения казахского народа. Автором установлена невербальная модель казахского языка, главной особенностью которой является наличие лакунизированного компонента, содержащего в себе этикетные нормы поведения, жесты-табу, а также жесты-реалии, имеющие место только в казахской языковой культуре. На основе анализа невербальных средств русского и казахского языков, включенных в словарь невербальных средств, выявлено, что не существует «международного» языка жестов, невербальный язык всегда национален как вербальная речь. В статье описан целый ряд невербальных компонентов, которые присущи только казахскому языку. Результаты проведенного анализа невербальных средств показали, что в отношении жестов-табу не существуют альтернативные варианты замены.

Ключевые слова: невербальная модель, лакунизированный компонент, жесты-реалии, жесты-табу, национальная культура, словарь невербальных средств, менталитет.

Berdalyeva R.Sh.,

PhD, A/Professor, H.A. Yasau International Kazakh-Turkish University,
Turkestan, Kazakhstan, e-mail: ramilyasha@mail.ru

Features of non-verbal communication models of the Kazakh people

The article examines the components of the non-verbal communication model of the Kazakh people. The author established a non-verbal model of the Kazakh language, the main feature of which is the presence of a lacunized component that contains etiquette norms of behavior, taboo gestures, and gestures-realities that take place only in the Kazakh language culture. Based on the analysis of non-verbal means of Russian and Kazakh languages included in dictionaries of non-verbal means, it is revealed that there is no «international» sign language, it is always national as verbal speech. The article describes a number of non-verbal components that are inherent only in the Kazakh language, which do not exist in Russian at all. The results of the analysis of non-verbal means showed that there are no alternative replacements for taboo gestures.

Key words: non-verbal model, lacunized component, gestures-realities, gestures-taboo, national culture, dictionary of non-verbal means, mentality.

Бердалиева Р.Ш.,

Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Түркістан қ., Қазақстан, e-mail: ramilyasha@mail.ru

Қазақ халқының бейвербалды тілдесім моделінің ерекшеліктері

Мақалада қазақ халқының бейвербалды тілдесім моделінің компоненттері қарастырылады. Мақала авторы қазақ халқының бейвербалды тілдесім моделін жасақтап, оның басты ерекшелігі ретінде лакунды компонентін анықтады. Бұл лакунды компоненттің құрамына тек қана қазақ халқына тән мінез-құлықтың этикетті нормалары, тыйым салынған ым-ишараттар, нақты ым-ишараттар жатқызылды. Қазақ және орыс тілінің бейвербалды амалдар сөздіктеріне енген ым-ишараттарды зерттеу нәтижесінде «халықаралық» бейвербалды амалдар тілі болуы мүмкін емес,

бұл амалдар әрдайым ұлттық ерекшеліктерімен танылады. Мақалада тек қазақ тіліне тән бірнеше бейвербалды амалдар қарастырылған. Тыйым салынған ым-ишараттарды зерттеу барысында олардың балама алмасу нұсқаларының жоқтығы анықталды.

Түйін сөздер: бейвербалды моделі, лакунданған компонент, реалды ым-ишарат, ым-табу, ұлттық мәдениет, бейвербалды құралдар сөздігі, менталитет.

Введение

В настоящее время невербальная сторона общения стала предметом изучения как традиционных, так и развивающихся направлений лингвистики, как семиотика, социолингвистика, психолингвистика, сопоставительное языковедение, этнолингвистика и др. (Ч. Пирс, Ч. Моррис, У. Вайнрайх, Л.С. Выготский, Л.В. Щерба, А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая и др.).

В процессе контактирования представителей различных культур в сфере общественной жизни интерес к изучению национально-культурной специфики межкультурной коммуникации заметно возрос (Э. Холл, Л. Самовар, Р. Портер, Ф. Боас, С.Г. Тер-Минасова, Е.Ф. Тарасов, Т.Е. Железанова и др.). Специфические черты в общении проявляются не только на вербальном, но находят отражение и на невербальном уровне. Различные народы по-разному используют невербальные средства как знаковые элементы. Значения этих невербальных средств бывают обусловлены определенной средой, соответственно представители разных народов отличаются друг от друга картиной мимического поведения и характером жестов (А. Пиз, Дж. Трейгер, В.А. Лабунская, И.Н. Горелов, Г.Е. Крейдлин, Л.А. Капанадзе, А.А. Акишина и др.).

Несмотря на то, что жестовые и мимические знаки могут иметь универсальный характер, очень часто их значения могут не совпадать у разных народов, что позволяет говорить об их национальном характере и связаны с этнической, географической, социально-культурной средой. В этом плане в настоящее время особый интерес представляет изучение невербальных компонентов коммуникации казахского и русского языков.

Таким образом, актуальность данного исследования обуславливается, во-первых, отсутствием теоретических исследований национально-культурной специфики невербальных средств общения казахского языка; во-вторых, возрастанием роли межкультурной коммуникации ввиду расширения границ международного сотрудничества; в-третьих, формированием

новых требований к качеству межкультурной коммуникации, направленной на достижение взаимопонимания, основным компонентом которой являются невербальные средства общения. Для автора исследование данных вопросов в комплексе представляет научный интерес, так как такой подход к интерпретации вербальных и невербальных средств общения подсказан самой социальной необходимостью изучения специфики культуры общения и поведения, характерного для многонационального государства Казахстан.

Эксперимент

Невербальное поведение казахского народа имеет свои уникальные особенности, в которых отражается специфика национального характера, национального сознания, менталитета, культуры и быта. Все это в целом способствует изучению невербальных компонентов общения в сопоставительном аспекте.

Межкультурная коммуникация описывается автором как процесс взаимодействия различных культур, а значит и языков, как части культуры любого народа, что позволяет включать в ее состав наряду с вербальными средствами и невербальные средства общения. По этому поводу П.А. Самовар отметил: «Только в процессе коммуникативного акта с представителями иной культуры осознаешь, что его движения – это не что иное, как проявление его культуры» [2, 45].

Несмотря на имеющиеся в науке различные толкования терминов «коммуникация» и «общение», для автора эти понятия обозначают двусторонний процесс взаимодействия вербальных и невербальных средств. Общение на каком-либо языке предполагает обязательное обращение к культуре носителя этого языка. В свою очередь культура сама реализуется в общении, результатом которого является достижение взаимопонимания. Таким образом, культура не только влияет на общение (коммуникацию), но и сама подвергается ее влиянию. Поэтому многие исследователи, подчеркивая их важность, нередко приравнивают культуру к общению (коммуникации). Э. Холл утверждает, что «культура – это

коммуникация, а коммуникация – это культура» [1, 32].

Изучению жестов посвящены научные исследования таких ученых как А.В. Филиппов, А.И. Галичев, Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова, Л. Кулиш, К. Пшенко, Н. Смирнова, С. Гочева и Г. Гочев, Т.М. Николаева и др. При классификации жестов ученые опирались на следующие основания: 1) физическая природа; 2) план выражения, содержания и употребления; 3) участие жеста в формировании содержания высказывания и т.д. При изучении природы жестов и жестовых образований автор предлагает рассматривать их с точки зрения употребления в речи. Основанием для таких классификаций стала сфера применения жестов, количество употребляющих их членов языковых сообществ, использование выразительного движения в различных ситуациях. В связи с этим наибольший интерес представляет систематизация кинетических знаков, имеющих национально-культурную характеристику (В.В. Андриянов, С.П. Гочева и Г.Н. Гочев). Анализируя различные классификации кинетических знаков, имеющих национальную специфику автором было предложено разделение выразительных движений на: 1) жесты-реалии, специфические жестовые образования, которые используются только в одной культуре и не имеют в другой соответствий ни в плане содержания, ни в плане выражения; 2) эквивалентные жесты: кинетические единицы, одинаковые по значению, но не совпадающие в плане выражения. Характер несовпадения определяет, относятся они к жестам, имеющим абсолютно различный план выражения, или входят в группу вариативных жестов, отличающихся только манерой исполнения; 3) ареальные жесты: абсолютно идентичные в сопоставляемых культурах, как в плане выражения, так и в плане содержания.

Автором также делается акцент на коммуникативной функции мимики как особого класса выразительных движений. В отличие от жестов, значения мимических выражений связаны с внутренним эмоциональным состоянием человека. П. Экман считает, что лицевые выражения представляют собой биологически врожденные двигательные акты, а потому являются надежными показателями конкретных эмоций, проявлением внутреннего мира человека, показателем принадлежности к какой-либо культуре. В культурном плане выражение эмоций определяется выработанными правилами поведения в определенном сообществе. Например, в казахской

культуре прослеживается культурно выработанное обществом сдерживание своих эмоций: *қатты күлме, егіліп жылама, үлкендердің алдында мінез көрсетпе* и др.

К акустическим средствам невербальной коммуникации автор кроме голоса, относит интонацию и молчание как наиболее значимые средства в передаче информации и как показатели культуры. О важности акустических средств в коммуникативном процессе свидетельствует тот факт, что наука паралингвистика с самого начала выбрала предметом своего изучения «свойства звуковой фонации...» [3, 73], чем объясняется первостепенная роль звуковой стороны речи в передаче коммуникативной информации (темп речи, громкость, интонация, смех, плач, кашель и др.).

При описательно-функциональной характеристике понятия голос автор опирается на идею множественности значений данного слова, представленной в исследованиях Г.Е. Крейдлина (128 прилагательных, 23 наречий, 53 глагола) [4]. Голосовые характеристики не только социальные, но и национальные. Звуковое оформление речи каждого народа имеет свои специфические особенности, которые и позволяют различать национальность говорящего. Голос тесно взаимосвязан с понятием этикет. Следует отметить громкость голоса как проявление культуры: на громкость голоса, кроме географического местожительства, влияют и условия жизни народа. В общении людей также большое значение имеет и тон речи (интонация), которая по утверждению М.М. Рыбакова может нести до 40% информации. В этой связи нужно отметить труды казахских (К. Жубанов, А. Байтурсинов и др.) и российских ученых (В.А. Лабунская, И.А. Стернин, Тарасов и др.) в области изучения интонации, в которых подводится к общему выводу о том, что каждый человек сначала реагирует на интонацию и, лишь потом усваивает смысл сказанного.

Автор в ряду акустических средств особое место отводит акту молчания (Г. Почепцов, В. Богданов, С. Крестинский, Г.И. Берестнев, Н.Д. Арутюнова, Т. Брюно, Дж. Йенсена, А. Стредье, К. Циммерманна и др.). Молчание выполняет информативную функцию, оно полифункционально и многозначно. Особое внимание необходимо уделить коммуникативной значимости молчания, которая предполагает наличие следующих обязательных условий: 1) осознанное и намеренное использование молчания со стороны отправителя; 2) осведом-

ленность получателя о намеренном характере молчания; 3) обладание отправителем и получателем общим знанием относительно значения молчания [5, 37].

Тактильные средства коммуникации также составляют особую группу невербальных средств. Как известно, люди прикасаются друг к другу по разным причинам, разными способами и в разных местах. В одних культурах прикосновения очень распространены, а в других они совсем отсутствуют, в связи с чем, выделяют контактные и дистантные культуры. Автором выявлено, что казахская культура относится к контактному, так как существует большое количество тактильных жестов казахского народа: *шашын сипау, түртіп қалу, бетінен сую, басынан сипау, қолын ұстау* и др.

Изучение проксемических (пространственных) средств коммуникации в контексте культурных различий коммуникантов, проблема пространственной организации общения были предметом изучения многих зарубежных (Э. Холл, Р. Шатер) и российских (Г.Е. Крейдлин, Г.В. Колшанский) ученых. Исследования в области проксемики в основном касаются изучения влияния территорий, расстояний и дистанций между людьми на характер межличностного общения. Обобщая результаты исследований в данной области невербальной коммуникации автор считает, что любая деятельность человека немислима без пространственной ее организации.

Культура невербального общения требует изучения этикетных норм и табуирования невербального поведения. Установлена тесная взаимосвязь невербальных средств с национальной культурой, в частности со специфическими чертами казахского миропонимания, отраженные в формулах этикета. Так, например, жесты *тізе бұғу, іліп сәлем беру, қамшы тастау, белді таяну, шашын жұлу, бетін шымшу* являются национальными жестами казахского народа.

Специфика взаимодействия двух систем – этикета, как системы коммуникативных запретов и системы жестового поведения – была точно подмечена Т.М. Николаевой, которая подчеркивает, что этикет, накладываясь определенным образом на речь, «членит совокупность неречевых элементов по новому основанию – допустимости /недопустимости употребления» [6, 78].

В результате накладываемых ограничений автором выделены жесты предписанные этикетом, т.е. допустимые и этикетно-недопустимые, т.е. жесты-табу.

Результаты и обсуждение

На сегодняшний день в казахстанской науке существуют различные классификации жестов-табу (А. Маргулан, А. Кайдаров, Х. Аргынбаев, А. Ахметов, С.Б. Бейсембаева, Ж. Нурсултанкызы и др.). А. Сейдимбек делит этнокультурные запреты казахского народа на три группы: 1) запреты, касающиеся отдельного человека; 2) запреты, касающиеся общества; 3) запреты, касающиеся окружающего мира, природы. Аналогичное разделение жестов-табу мы находим в работах других исследователей, которые к жестам первого типа относят *тісіңді қайрама, аузыңды керме, басыңды шайқама*, второго типа: *үлкен кісінің алдынан өтпе, қонағыңа ашуланба, молага қарай жүгірме*, а к третьему типу относятся такие, как *жұлдызды санама, айды қолыңмен көрсетпе*. Такое разделение является ярким свидетельством национальной культуры народа, где в центре внимания оказывается сам человек. К примеру жесты-табу *басыңды салбыратпа, бетіңді баспа, бүйіріңді таянба, бетіңді тырнама, жағыңды таянба, қолыңды айқастырма, қолыңды құсырып отырма, қолыңды төбеге қойма, қолыңды таянба, табаныңды тартпа, тізеңді қушақтама, таңдайыңды қақпа, шашыңды жұлма* прямо или косвенно относятся к человеку. Подобная тенденция прослеживается и в жестях-табу, указанных С.Б. Бейсембаевой: *адамға қарай керілмейді, біреуге қарап ерін шығармайды, үлкен адам алдында аяқты созып отырмайды, адамға қарап қолды шошайтпайды, саусақты, қолды орынсыз ауызға салмайды, үлкен кісінің жолын кесіп өтуге болмайды, тілді шығармайды*.

Интересны запреты, наложенные на некоторые акты поведения или непосредственно на тело или иные жесты, касающиеся религиозных традиций. Эти установки казахской культуры выработались в процессе исторического развития, зафиксировались в общественной жизни народа. В результате изучения жестов-табу религиозного характера автор делит запреты на: 1) запреты, налагаемые религиозными традициями; 2) табу в повседневном быту. К примеру, запреты: не пересекай дорогу старшим (*үлкен адамның жолын кеспе*); не распускай волосы (*шашыңды жайма*); не рви волосы на голове (*шашыңды жұлма*); не стой на пороге (*босағада тұрма*); не опирайся на палку (*таяққа сүйенбе*); не качай пустую колыбель (*бос бесікті тербетпе*); не ложись ногами, направленными в сторону Мекки (*Қыблага қарай аяғыңды берме*), не потягивайся у порога

(*босағада керілме*) носят религиозный характер. Религиозные традиции запрещали женщинам смотреть прямо в глаза мужчинам, распускать волосы, стоять на пороге, которые продиктованы религиозным мировоззрением казахского народа. Приведем пример толкования значения некоторых жестов-табу:

Беліңді таянба. Только женщине, оплакивающей умершего мужа, отца или брата дозволялось использовать этот жест. У казахов этим жестом никогда не пользовались мужчины, а у киргизов его не могли применять ни мужчины, ни женщины.

Төбеңе қолыңды қойма. Человек, который решил отречься от всего земного, от всех своих родных и близких, выходил в середину толпы, поднимал руки и ставил их на голову, тем самым старался сказать окружающим: «*Енді сендерді желкемнің шұқыры көрсін*», т.е. «пусть теперь вас видит только мой затылок».

Автор большое внимание уделяет также ряд запретов, касающихся жестового поведения в быту, которые ярко отражают склад жизни казаха-кочевника: нельзя зевать (*есінбе*); задирать ноги в юрте (*аяғыңды аспанға көтерме*); не следует подавать пиалу левой рукой (*шәйді сол қолыңмен берме*); смотреть в упор на собеседника (*адамға тесіліп қарама*); нельзя заходить в дом левой ногой (*сол аяғыңмен үйге кірме*), нельзя упираться руками о пол (*жерге таянба*); не следует поворачиваться спиной к собеседнику (*адамға арт қарама*); нельзя подтягиваться перед человеком (*адамның алдында керілме*); скрипеть зубами (*тісіңді қышырлатпа*); бить кнутом по голове коня (*қамшымен аттың басын ұрма*); пинать домашних животных (*малды теппе*).

Таким образом, обобщая результаты анализа невербальных средств общения, автор делает вывод о том, что особенности жестикюляции и мимических выражений казахского народа во-первых, связаны с традициями кочевого образа жизни, а, во-вторых, с обрядами шаманства и ислама.

С древнейших времен у казахского народа особое значение придавалось движениям головы, как наиболее важной части тела: казахские жесты «*бас изеу, бас шұлғау, бас шайқау, бас көтеру, басын салбырату*» имеют аналогии в жестовой культуре многих народов, например русские «*кивать головой, покачивать головой из стороны в сторону, поднимать голову вверх, опустить голову*». «Как память о покойном все эти дни не разбиралась траурная юрта. Там со-

хранялась вся прежняя обстановка. И всякий, кто приезжал почтить память Болен, слезал с коня и *склонял голову* перед опустевшим жилищем некогда властительного степного султана» (А. Шарипов. Дочь степей. с. 41).

Несомненна роль и мимических выражений в передаче не только эмоциональной информации, но и характера отношения собеседников друг другу: «Жена соседа *выпятила мне нижнюю губу*, насмеялась! Вон опять у наших ворот вывалила золу, – сказав это, жена Олжабая, залакала» (А. Шарипов. Дочь степей. с. 46).

О роли проксемических средств в выражении национальных традиций казахского народа ярко свидетельствуют следующие эпизоды: «Уния в растерянности остановилась на пороге. Айман сразу заметила, что ее молоденькая свояченица чем-то взволнована. Она увела Унию на *женскую половину дома*». (А. Шарипов. Дочь степей. с.66).

В казахской юрте самым почетным местом был «*торь (төр)*»: «Испуганная Куникей встретила важных гостей у самого порога и от волнения не могла вымолвить ни слова. Она лишь *кланялась и показывала, чтобы гости проходили на торь*» (А. Шарипов. Дочь степей. с. 142).

Поклоны часто использовались в культуре казахского народа как средство выражения уважения старших и почитания высокопоставленных представителей власти: Бесперывно *кланяясь*, Куникей что-то бормотала. Она стояла перед важными гостями, словно служанка, ожидавшая строгого выговора» (А. Шарипов. Дочь степей. с. 143).

Тактильные средства, включающие в себя самые разнообразные по форме и содержанию невербальные движения, также являются частью культуры казахского народа: «Абай *распростер широко объятия, принял Абиша к груди*. Отец и сын не промолвили ни слова» (М. Ауэзов. Путь Абая).

Акустические невербальные средства, как голос, интонация и молчание, тесно взаимодействуя с другими средствами общения, передают различную информацию о характере взаимоотношений собеседников. Примером могут служить следующие отрывки из произведений: «Расположившись на коврах, Болен и его гости *погрузились в молчание*» (А. Шарипов. Дочь степей. с. 15).

«В ответ толстяк испустил жалобный, многострадальный вздох. Но в душе был рад, что брат раскричался на него. *Хуже было бы, ели бы он молчал*» (А. Шарипов. Дочь степей. с.90).

«Езжай», – говорю сыну, а *голос какой-то чужой, ржавым железом проскрежетал*. Знаю, что поедет сын, не захочет опозорить отца перед другими людьми (Жаксылыков. Белый архар. с. 77).

С целью выявления сходств и различий в употреблении невербальных сигналов тела в казахской и русской языковой общности автором рассмотрены 125 жестовых знаков, включенных в «Толковый словарь мимики и жестов в казахском языке» (Б.К. Момынова, С.Б. Бейсембаева) и «Жесты и мимика в русской речи» (А.А. Акишина). Основопологающим принципом анализа стала классификация невербальных средств по системе В.В. Андриянова. Невербальные средства казахской и русской коммуникативных систем условно были разделены на 3 группы: 1) ареальные жесты; 2) эквивалентные жесты; 3) жесты-реалии. Первую группу автор включил жесты, совпадающие в исполнении, в сфере употребления и в способе передачи их смысла. В нее вошла значительная часть общеупотребительных жестов приветствия, прощания, знакомства, утвердительные и отрицательные покачивания головой, указательные жесты, приглашающие жесты, изобразительные жесты. Например, жесты приветствия: *басын изеу/ кивать головой; қолын көтеру/ поднять руку; бас ию/ склонить голову; жесты прощания: қол бұлғау/ помахать рукой; қол көтеру/ поднять руку; жесты отрицания: басын шайқау/ качать голову из стороны в сторону; қолын шайқау/ махать рукой из стороны в сторону; жесты знакомства: қол алысу/ пожать руку; қолын беру/ подать руку; басын изеу / кивать головой; указательные жесты: қолымен көрсету/ указать рукой; қас қабағымен нұсқау/ поднять брови; басымен нұсқау / показать головой; көзімен көрсету/ указать глазами.*

Ареальные жесты заняли в общей картине словаря невербальных средств казахского народа около 50% всех описанных кинетических средств.

Ко второй группе отнесены жесты, совпадающие по смыслу и сфере употребления, но различные в исполнении. Эквивалентные жесты заняли около 15% кинетических средств, входящих в «Толковый словарь мимики и жестов в казахском языке» (Б.К. Момынова, С.Б. Бейсембаева). В качестве примера приведем некоторые из них: *ұртын томпайту* – жест, обозначающий «хорошо» (каз.яз.) /*поднять большой палец* – одобрение, похвала, положительная оценка кого или чего либо (рус.яз.); *ернін тістеу*. Используется как знак «замолчи». (каз.яз.)/ *приложить*

палец к губам. Призыв к молчанию, тишине. (рус. яз.).

Наибольший интерес представила третья группа реальных жестов, присущих только одному культурно-языковому сообществу. Среди рассмотренных невербальных средств автор выявил жесты, отсутствующие в коммуникативном поведении русского народа и присущие только казахской языковой культуре. Именно эта группа жестов наиболее ярко свидетельствует о национальном характере жестовой коммуникации казахского народа. Группа жестов – реалий заняла около 35% из общего числа описанных в словаре жестов и других невербальных средств общения.

Қос қолды кеудеге қою – приложить обе руки к груди. «О, наш жырау!... Воин *склонил голову* перед певцом» (И. Есенберлин. Кочевники). Здесь наблюдается неточный перевод жеста «қос қолын кеудесіне қойып».

Қолды кеудеге апарып, бас ию – приложив руку к груди, склонить голову. «Здравствуйте, почтенные господа генералы, – сказала молодая женщина в саукеле, с длинными прекрасными волосами. Девушка, стоявшая рядом не знала по-русски, поэтому по древнему обычаю приветствуя генералов, *склонила голову, приложив обе руки к груди*» (И. Есенберлин. Кочевники).

Данный жест приветствия имеет яркую национальную окраску: так приветствовали в древности и мужчины и женщины, выражая тем самым глубокое уважение и почтение к старшим или людям из высокого социального слоя общества.

Қол құсырып, иілу – наклониться всем корпусом вперед, приложить, скрестив обе руки к груди. Жест приветствия. «Хан Белой Орды Джаныбек, перед которым трепетали враги, подошел к холму и, как сын перед мудрым престарелым отцом, *склонился в глубоком земном поклоне*» (И. Есенберлин. Кочевники).

Тізерлеп, қол құсырып, тағзым ету – опуститься на одно колено, приложив руки к груди. Жест приветствия. «*Встав на колено, прижав руки к груди*, поздоровался (визирь)» (З. Шашкин. Ұядан ұшқандар).

Тізе бұғу – преклонить колено. Опусться на одно колено. Жест приветствия. «Подошли трое: Аман, Сырым, Торгын. Торгын поздоровалась, *преклонив колено*» (Г. Мусирепов.).

Қол жаю – держать руки на уровне груди, раскрыв ладони вверх. Жест, используемый при чтении молитвы. Жест национальный, связанный с традициями ислама. Данная этнокинема встречается среди религиозных людей,

ее довольно широкое функционирование наблюдается в самых разнообразных ситуациях. «Мулла положил серебряный рубль в карман, раскрыл ладони, прочитал про себя молитву, затем провел ладонями по лицу». (С. Муканов. Школа жизни).

Комплексный анализ невербальных средств общения позволил автору установить специфику невербальных средств. Невербальные средства выполняют те же функции, что и язык. Основными функциями невербальных средств являются снабжение информацией, информация о внутреннем состоянии людей, регулировка межличностных отношений посредством голоса, жеста, мимики, молчания, выражение симпатии, экспрессивная функция, функция социального контроля, которая наиболее четко прослеживается при прямой коммуникации и указывает на социальный статус общающихся. Невербальные средства обладают свойством полифункциональности, способностью выполнять одновременно различные функции в одной и той же ситуации, а также имеют подсознательный и спонтанный характер. Все имеющиеся функции невербальных средств можно свести к двум основным: восприятию и воздействию.

Заключение

В ходе анализа невербальных средств казахской и русской языковых культур автор впервые обобщил сведения о том, что: 1) в казахском языке жесты-реалии занимают большое место, среди рассмотренных 125 жестов, включенных в словарь Б. Момыновой и С. Бейсембаевой, 40 знаков явились чисто национальными, что еще раз подтверждает ментальный характер произвольных кинетических движений человека; 2) остальные знаки жестов эквивалентны, они существуют и в казахской и в русской культуре, однако выражаются по-разному. Следует отметить, что в описании и употреблении этих жестов нет резких разграничений, в зависимости от ситуации могут иметь различные варианты исполнения и употребления; 3) в большинстве

случаев жесты приветствия, прощания, выражения согласия и несогласия идентичны в обеих культурах.

На основе проведенного анализа невербальных средств автор впервые установил невербальную модель общения казахского народа, которая включила в себя кроме обязательных компонентов, как межкультурная коммуникация (культура и общение); каналы невербального общения: визуальный (жесты, мимика, телодвижения), акустический (голос, интонация, молчание), тактильный (прикосновения), проксемический (пространство, дистанция) и их функции; особенности отражения ментальной картины; взаимодействие вербальных и невербальных средств коммуникации, так и лакунизированный компонент (этнокультурный информационный канал: знание, этикет, табу).

Автором определено, что культура невербальной коммуникации в первую очередь содержит в себе этикетные нормы поведения человека. В связи с этим изучение этикетных норм поведения, в том числе и невербального, позволяет понять сущность культуры поведения вообще. Этикетной нормой невербального поведения является знание налагаемых культурой запретов на использование того или иного жеста, т.е. жестов-табу. Национальная специфика ярче выражена в ритуальных жестах-табу, которые имеют смысл только лишь в данной культуре. Что касается системы жестов в казахском языке, то она социально обусловлена и присуща лишь данному языковому сообществу, т.е. язык жестов дается как кинесика людей конкретной нации. Автор выявил, что не существует «международного» языка жестов, он всегда национален как вербальная речь. Так, например, целый ряд невербальных компонентов, присущих казахскому языку либо вообще не существует в русском языке, либо имеют в нем другое значение. В отношении жестов-табу не существуют альтернативных вариантов замены. Таким образом, использование невербальных компонентов коммуникации в казахском языке тесно связано с этикетной нормой казахской национальной культуры.

Литература

- 1 Самовар П.А. Невербальная интеракция. Инокультурная коммуникация. – Бельмонт, 1985.
- 2 Hall E. T. Cultural Misunderstandings: The French, Germans, and Americans. – N.Y.: Anchor, 1984.
- 3 Галичев А.И. Кинесический и проксемический компоненты речевого общения // Дисс. канд. ... фил. наук. – М., 1987. – 189 с.
- 4 Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

- 5 Колесов В.В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестник СПбГУ, Серия 2, История, языкознание, литературоведение. – 1992. – №3. – С. 30-40.
- 6 Туманова А.Б. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва // Дис... докт. филол. наук. – Алматы, 2008. – 248 с.
- 7 Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Роль жеста в разговорной речи // См. прилож. в кн.: Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – 257 с.
- 8 Воробьева Е.И. Содержание и структура понятия «лингвострановедческая компетенция учителя иностранного языка». – Л., 1999. – 65 с.

References

- 1 Samovar P.A. Neverbal'naya interaktsiya. Inokul'turnaya kommunikatsiya. [Non-verbal interaction. Inocultural communication.] Bel'mont, 1985.
- 2 Hall E.T. Cultural Misunderstandings: The French, Germans, and Americans. N.Y.:Anchor, 1984.
- 3 Galichev A.I. Kinesicheskiy i proksemicheskiy komponenty rechevogo obshcheniya. [Kinesic and proximal components of verbal communication.] Diss. kand... fil. nauk. M., 1987. 189 p.
- 4 Kreydlin G.Ye. Neverbal'naya semiotika: YAzyk tela i yestestvennyy yazyk. [Nonverbal semiotics: Body language and natural language.] M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004. 584 p.
- 5 Kolesov V.V. Kontsept kul'tury: obraz-ponyatiye-simvol. [The concept of culture: image-concept-symbol.] Vestnik SPbGU, Seriya 2, Istoriya, yazykoznanie, literaturovedeniye. 1992. №3. P. 30-40.
- 6 Tumanova A.B. YAzykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva. [The language picture of the world in the artistic discourse of the writer-bilingual.] Dis... dokt. filol. nauk, Almaty, 2008. 248 p.
- 7 Kapanadze L.A., Krasil'nikova Ye.V. Rol' zhesta v razgovornoy rechi. [The role of gesture in speaking.] Sm. prilozh. v kn.: Russkaya razgovornaya rech'. M.: Nauka, 1973. 257 p.
- 8 Vorobyeva Ye.I. Soderzhaniye i struktura ponyatiya «lingvostranovedcheskaya kompetentsiya uchitelya inostrannogo yazyka». [Content and structure of the concept of «linguistic and cultural competence of a foreign language teacher».] L., 1999. 65 p.